

Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови.
 тематски зборник радова, ур. др Алексеј Ј. Тимофејев.
 Београд: Институт за новију историју Србије,
 Институт славяноведения
 Российской академии наук, 2017, 428.

Столетний юбилей бурных событий 1917 г. в России стал поводом к многочисленным научным конференциям разного масштаба по всей стране, однако резонанс празднования за пределами академического сообщества, в широкой публичной сфере не слишком высок. Памятной дате предшествовала попытка внедрения нового исторического понятия – Великая российская революция, как минимум, в образовательный процесс среднего звена. Эта дефиниция призвана абсорбировать две революции (февральскую и октябрьскую), которые ранее часто противопоставлялись, вкуче с гражданской войной. Таким образом, по замыслу, по-видимому, предлагалось нейтрализовать разрушительный потенциал событий 1917–1921 гг. или, пускай хотя бы, замаскировать его возвышающим эпитетом, ранее уже использованным советской пропагандой, но только в отношении Октября. Впрочем, заместить чем-то старое идеологическое наследие и разрешить свойственные ему противоречия в рамках предложенного понятия пока не удалось.

Для историков в Сербии и России юбилей 1917 г., тем не менее, стал поводом обсудить воздействие событий революции на ход Первой мировой войны и на планы по политическому переустройству Европы и, прежде всего, Балканского региона по ее окончанию. Памятные даты – это хорошее время, чтобы подвести итоги работы и наметить планы на будущее.

Сборник научных трудов „Сербия и Русская революция 1917 г.“ был подготовлен совместными усилиями Института новой истории Сербии (Белград) и Института славяноведения Российской академии наук (Москва); он стал результатом международной научной конференции, состоявшейся ранее. Добавим, что сборник не ограничивается названными учреждениями, но включает работы ученых из многих других научных центров двух стран. В составе редакционного комитета издания заметно стремление соблюсти паритет в представительстве, а роль главного и ответственного редактора в лице доктора Алексея Ю. Тимофеева представляется значимой, кроме прочего, в символическом плане.

В редакционном вступлении, открывающем книгу, отмечая определяющее значение 1917 г. для истории XX века и судьбы Сербии, в частности, авторы предупредили, что не намерены обсуждать далеко идущие последствия революции, но намерены предложить читателю три блока тем: уровень военной истории двух стран – России и Сербии – накануне и непосредственно в 1917-м г.; воздействие революционного феномена на разные измерения русско-сербских отношений; и, наконец, превратности в борьбе вокруг югославянского проекта (югославизма), стимулированной революцией и падением военно-политического веса России в Антанте. Этим блокам соответствует структура сборника их трех разделов. Редакторы отмечают в предисловии, что они не стремились к выработке однозначных позиций, поскольку это было бы невозможно, учитывая все сложности в изучении революционной эпохи. И поэтому мнения отдельных авторов сборника, порой, противоречат друг другу. Однако своей заслугой редакторы вполне справедливо считают объединение на страницах одной книги представителей разных научных поколений. Это приумножило разноголосицу, но зато обозначало срез текущей историографической ситуации.

„Военный“ блок статей открывает работа Миле Белаяца, в начале которой ее автор как раз сетует на разрыв между поколениями историков и конъюнктуру в репрезентации Первой мировой, когда новые технологические возможности и доступность архивов (информационная/архивная революция), помимо облегчения поисков истины, парадоксальным образом способствуют мифотворчеству. Развивая темы, поднятые в книге „Зашто ревизија?“ (2014), Белаяц в своей статье далее останавливается на ряде ошибочных суждений и стереотипах, бытующих в современной историографии войны. Сюжеты, рассмотренные здесь, предшествуют событиям 1917 г., однако автор таким образом обрисовывает общий контур русско-сербских взаимоотношений накануне революции, который конкретизируют другие статьи того же блока. Концептуальный характер носит и статья Константина Никифорова, в которой обсуждается место Великой войны в истории балканских народов. Она, по мысли автора, завершает сжатую версию их XIX века, открывшуюся после Берлинского конгресса (1878), следовательно, такое „укороченное“ столетие предопределило многие противоречия Балкан в их гонке за Европой. А Никола Б. Попович в тексте, сохранившем особенности его устного выступления, напомнил о результатах про-

деланной им в прошлом работе. Похожим образом в статье, открывающей второй раздел сборника, Латинка Перович представила рецепцию русской революционной традиции в Сербии, изучение которой было начато в трудах исследовательницы и ее коллег.

Статья Мирослава Перишича открывает рассмотрение более узких тем и отдельных фигур эпохи. Автор поставил под сомнение достоверность письменных „признаний“ полковника Аписа, данных им под давлением, в заключении, весной 1917 г., о причастности к организации сараевского покушения. Помимо полных текстов писем Аписа этого времени, в статье по архивному документу приводится и текст его же рапорта от 8/21 июня 1914 г., который можно рассматривать и как опровержение самооговора. Впрочем, признается Перишич в конце статьи, из-за недостатка надежных источников вопрос о роли Аписа в сараевском покушении остается открытым. В свою очередь Далибор Денда на основании документов уточнил ряд деталей, связанных с пребыванием русских солдат и офицеров на Солунском фронте, где опыт совместных действий, помимо прочего, по мнению автора, способствовал углублению восприятия сербами русских вообще и их армии / военной культуры, в частности. Обнаружились существенные различия между русскими и сербами на низовом уровне, в рядовом составе.

Александра Животич представил в сборнике биографию Михаила Живковича, возглавившего Сербский добровольческий корпус, сформированный в России. При этом уже в названии подчеркнута связанность военной карьеры генерала с Россией, где тот проходил стажировку в пехотных полках и завязал связи с русскими офицерами. Еще одна статья о Добровольческом корпусе, помещенная в сборник, принадлежит Ярославу Вишнякову. Впрочем, она отнесена ко второму разделу, поскольку в ней по большей части повествуется о событиях конца 1916 и 1917 г., о противоречиях на национальной почве, которые обострились после неудач под Добруджей и в период революции. Автор склонен к алармистскому выводу, что раздоры в корпусе можно рассматривать как некую прелюдию и модель межнациональных отношений в Королевстве СХС / Югославии. Вопросы истории корпуса затрагиваются и другими авторами сборника, и их оценки не столь однозначны.

Статья Людмилы Кузмичевой посвящена междинастическим отношениям императорской России и королевской Сербии. Впрочем, по большей части, она сосредоточена на судьбе великой

княгини Елены Петровны Романовой, дочери короля Петра Карагеоргиевича, вышедшей замуж за сына великого князя Константина Константиновича. Особый интерес представляют использованные в статье материалы екатеринбургской чрезвычайной комиссии, раскрывающие детали гонений. Кузмичева укоряет сербского посланника М. Спалайковича за симпатии к Февральской революции и равнодушие к судьбе императорской семьи, включая и дочь короля Петра.

В двух статьях сборника (Радована Пилиповича и Милана Живановича) рассматривается воздействие на общественное мнение межвоенной Югославии, где важнейшим передатчиком стала церковная среда, представителейрусской эмиграции. Они принесли с собой право-монархическую демонологию революции и большевизма, антисемитизм и идеализированные воспоминания о царе-мученике Николае II. Отчасти примыкает к этой теме очерк Алексея Арсеньева и Михаила Ордовского о двух эмигрантах М. П. Чубинском и В. Д. Плетневе. Но в нем в большей степени речь идет об их деятельности по пропаганде югославянской идеи еще в России.

В большой по объему статье Алексея Тимофеева анализируются перемены, которые последовали в русско-сербских отношениях с начавшейся революцией. Хотя и не абсолютизируя свой тезис, автор статьи настаивает на значительной роли субъективного фактора („заговора элиты“) в событиях Февраля и связывает внутреннюю борьбу за власть с ее внешнеполитическими аспектами („заговором“ союзников по Антанте). В результате анализа русских дебатов о послевоенном будущем Балкан автор статьи приходит к обоснованному выводу об ослаблении поддержки Сербии с падением царского режима. При этом сербские официальные лица, находившиеся в России, как показано в статье, не до конца понимали скрытую сторону происходящего. В частичной полемике с выводами Тимофеева находятся, однако, результаты работы другого автора Андрея Шемякина. Правительство Николы Пашича достаточно оперативно оценило перемены в расстановке сил внутри Антанты и ее возможное ослабление с нарастанием русского кризиса, считает он, следствием чего и стала вынужденная Корфская декларация. Монтаж из дневника Милоша Московлевича, наблюдавшего, правда, более поздние события (сентября–октября 1917 г.), демонстрирует в статье Момчилы Исича хорошую осведомленность и глубокое понимание надвигающейся катастрофы его героем.

Среди статей последнего раздела еще одна, по сути, посвящена одному конкретному персонажу из конкурирующего лагеря. Горан Милорадович рассказывает о деятельности в России Крунислава Херуца, который еще в 1880-е принадлежал хорватской партии права („правашам“). После того, как он обосновался в Петербурге в конце того же десятилетия, Херуц, хоть и не без трудностей, со временем вписался в круг местных славянских симпатизантов. По мнению Милорадовича, даже когда публичная деятельность Херуца сместилась в область этнически более аморфного югославизма, он не переменял убеждений радикального хорватского националиста, поэтому мог продвигать, пользуясь элитарными связями, узкие политические цели своей партии в ущерб интересам сербов.

Две статьи, замыкающие сборник, носят историографический характер, и находятся в непроизвольной полемике друг с другом, хотя и сосредоточены на разных аспектах. Гордана Кривокапич-Копич на полях работ историков рассуждает о долгосрочных причинах, обусловивших возможность замены России в качестве главной покровительницы Сербии на Францию. При этом она считает возможным соединить какую-то часть из наследия старой югославской (марксистской) историографии с новыми исследованиями в области интеллектуальной истории и (евро)ориентализма. В свою очередь Александр Силкин обращает внимание на идеологические предвзятости и ложные стереотипы в советской и постсоветской историографии первой Югославии (о „великосербской гегемонии“ и угнетенных „несербских народах“). Эти стереотипы были заимствованы из историографии второй, коммунистической Югославии, а еще ранее были привнесены политическими аутсайдерами в коминтерновскую среду, где националистическая фрустрация перегонялась в колбе классового подхода.

Несмотря на очевидную и, по-видимому, неизбежную калейдоскопичность представленных в сборнике сюжетов, в нем можно обнаружить немало полемических переключек и в целом он рисует проблемную и поэтому интересную палитру современного состояния осмысления темы сербскими и российскими историками.

Михаил БЕЛОВ